

4) требование к контролерам выполнять оценку воздействия на защиту данных, обработка которых может привести к высокому риску прав и свобод субъекта данных.

Таким образом, Соединенное Королевство продолжает играть ведущую роль в развитии и продвижении соответствующих стандартов защиты данных и трансграничных потоков данных, а также продолжает деятельность по работам международными партнерами для обеспечения соответствия стандартов защиты данных целям – как для защиты прав людей, а также для того, чтобы предприятия и государственные органы предлагали эффективные услуги и защиту населения.

Ряд мер, реализуемых в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии по защите личных данных, может быть использован, по нашему мнению, для совершенствования соответствующего законодательства Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Доклад Управления Верховного комиссара ООН по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век [Электронный ресурс]. – 2020. Режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/DigitalAge/Pages/ReportDigitalAge.aspx>. – Дата доступа: 08.11.2020.

2. Submission to the Office of the High Commissioner for Human Rights: The right to privacy in the digital age <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/ReportPrivacyinDigitalAge/UK.pdf>. – Дата доступа: 08.11.2020.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В БЕЛАРУСИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

И.А. Лапина

*ректор УО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

С.В. Лапина

*профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
доктор социологических наук, профессор*

Анализ истории становления и институционализации судебно-экспертной деятельности в Беларуси отчетливо демонстрирует ее конкретность и практическую ориентацию, с одной стороны, а с другой – постоянное расширение теоретико-методологической базы.

Начиная с конца XVIII века (именно этим временем датируется становление институциональной практики судебной экспертизы в Беларуси) вплоть до 30-х годов XX века судебная экспертиза развивалась преимущественно в рамках медицинской науки, приобретая характер судебно-медицинской экспертизы. Такого рода практика была наиболее востребована. Медицинский бэкграунд судебной экспертизы продолжал доминировать практически на всем протяжении XX века, создавая, предпосылки для развития различных видов судебных экспертиз в смежных с медициной естественнонаучных областях – биологии и химии. Исследовательские работы судебных экспертов в этих сферах базировались на классической методологии научно-познавательной деятельности, эмпирический характер которой был ориентирован на получение подтвержденных опытом объективных данных.

Одновременно с классической научно-познавательной ситуацией, отражающейся в практике судебной экспертизы, ее расширение требовало приращения и в сфере теории. Почерковедческие, баллистические, трасологические, автотехнические, товароведческие, экономические, почвоведческие, криминалистические и т.д. экспертизы, востребованность которых росла на протяжении XX века, требовали дальнейшей разработки теории и методологии судебной экспертизы, так как методики проведения конкретных видов судебных экспертиз должны опираться на соответствующую теоретико-методологическую базу [1].

В этих по своей сути гносеологических и методологических поисках, кроме конкретного предмета исследования, формирующегося на базе специальной теории со свойственной ей методологией, нельзя было обойти проявившиеся в XX веке общие черты современной научно-познавательной деятельности, связанные с тем, что практически в каждой отрасли научного знания, в каждом предмете научного исследования стала отчетливо проявляться человекоотнесенная составляющая. Это явление получило название перехода современной науки к изучению человекообразных объектов. Все, что исследует современная наука, как и вся исследовательская практика судебных экспертов, наполняется особенностями, присущими человеку. Причем, не в его единичном воплощении, а как члене определенной социальной группы, проходящем все этапы социализации, хотя и по-разному.

В новой научно-познавательной ситуации, сложившейся вполне определенно в последней трети XX века, в научных исследованиях стал обязательно учитываться человеческий фактор в его социологическом измерении. Судебные эксперты, таким образом, кроме конкретного вида экспертизы, основанной на специальной теории, должны учитывать привнесенные в предмет изучения факторы социокультурной среды. Особенно отчетливо это проявилось в отношении искусствоведческо-культурологической и лингвистической экспертиз, где сам предмет экспертизы был непосредственно связан с деятельностью человека [1].

Кроме такого рода специфики объектов и предметов познания в деятельность эксперта также органично встраиваются характеристики новой познавательной ситуации, в которой социокультурные параметры объектов экспертизы дополняются в ходе построения предмета исследования характеристиками субъектно-рефлексивного методологического подхода, необходимого для корректного проведения экспертизы. А этот субъектно-рефлексивный подход является спецификой социологической методологии, основами которой должен владеть современный исследователь-эксперт.

Субъектная соотнесенность всех элементов познавательного процесса всегда была отличительной чертой социологического познания, которое исследуя общество как систему взаимодействующих социальных субъектов, в то же время не могло игнорировать зависимость используемых форм и методов познания, а также содержания исходных концептуальных установок от социальной структуры общества, от социальной позиции субъектов познания, от социальных стереотипов, целей и задач, которые ставятся перед познающим субъектом обществом и им самим, ценностей, которыми он руководствуется и которые приняты в обществе. Тот же факт, что в современном научном познании в целом реализуются субъектные составляющие (за счет перехода современной науки к познанию «человекообразных» объектов), неизбежно выводящие в сферу социологического анализа, свидетельствует о том, что социологическое познание и его особенности приобретают общенаучную значимость.

Субъектные, человекоотнесенные параметры, присутствующие в объектах познания современной науки, могут пониматься, интерпретироваться и познаваться в разных аспектах. При этом следует обратить внимание на то, что в любой познавательной ситуации субъектность присутствует не как изолированная индивидуальная сущность, а как особое межсубъектное взаимодействие (между субъектом познающим и субъектом, включенным в объект познания), которое опосредовано сложной системой социальных связей.

Социологическая методология, вводя в научный анализ взаимодействие между субъектными составляющими и уровнями познания, в реальности приобретает метатеоретическую, общенаучную значимость.

В итоге в общем плане логику социологического познания можно представить как особую линию современной научно-познавательной деятельности.

В этой логике некоторое множество отображений теоретических схем (I) на картину (картины) мира и эмпирический материал коррелируется с множеством возможных реализаций объекта познания (II). Первое (I) определяется особенностями субъектов познания, задается их социокультурными параметрами, занимающими в структуре познания уровень метатеоретических предпосылок и, как показывает опыт проводимых исследований, реально может воплощаться в некотором множестве познавательных моделей. Второе (II) отображает разброс возможных

реализаций познаваемого объекта, в который органично встроен активный, действующий, наделенный сознанием и целеполагающий субъект [3].

В целом же особенности социологического познания состоят в органическом сочетании двух основных параметров познавательной деятельности: особого объекта познания – социальной реальности (I) и специфического субъектного подхода к ее познанию (II). Это позволяет свести воедино онтологические и методологические аспекты социологического познания, которое органично встраивается в современное научное познание как единый социокультурный феномен, тем самым обеспечивая системную целостность современной науки [4].

На фоне особенностей современной интегрирующейся науки, которая органично включает в свою структуру параметры, присущие социологическому познанию, в любой экспертной деятельности эти особенности должны учитываться. В связи с этим особую значимость приобретает включение в специальный, а не только общепрофессиональный блок, дисциплин, раскрывающих сущность и особенности социологической методологии, а также методики ее использования в судебно-экспертной деятельности..

Относительно парадоксальный факт, позволяющий выйти на объективные выводы – это профессиональное соотнесение субъектных (не сугубо субъективных) характеристик объекта судебной экспертизы (к примеру, совокупности высказываний с использованием ненормативной лексики) с параметрами той социокультурной среды, в которой они были использованы, а также с профессиональными и личностными ценностями, присущими эксперту как субъекту той же либо иной социокультурной среды. Эта методологическая рефлексия необходима для получения наиболее достоверных выводов, заключений, адекватных задачам судебной экспертизы.

Такого рода методологический прием является спецификой социологической методологии (особенностью социологического познания, методологией социологического подхода), где присутствует субъектная составляющая, как во всех объектах исследования, так, естественно, и в тех, кто осуществляет познавательную деятельность, а также в корреляции субъектных характеристик первых (объектов познания) с субъектными характеристиками вторых (субъектов познания).

Такое расширение теоретико-методологического поля деятельности судебного эксперта вполне релевантно его усложняющейся практике. Социологическая методология в этом случае способна не только ориентировать эксперта в информационном потоке, но и может вооружить его определенными методологическими, научно-познавательными ориентирами, позволяющими наращивать информационный потенциал и реализовывать его в профессиональной деятельности. Таким образом представляется современное теоретикометодологическое пространство судебной экспертизы, выводящее ее в междисциплинарную область – экспертологию, научная институционализация которой во многом зависит от использования

социологического подхода, приобретающего в современной науке метатеретический статус.

Библиографический список

1. Кадышев, А.В. История института судебной экспертизы/ А.В. Кадышев // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сборник научных трудов. – 2009. - № 2(26). – С. 23-33.
2. Лапина, С.В. Образовательный стандарт. ОСРБ 1-99 02 80-2017 / И.А.Лапина, С.В. Лапина, Ю.И. Остьянко [авторы составители] // Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. – Минск: Минобр РБ, 2017. – 20 с.
3. Лапина, С.В. Методология социологического исследования социокультурных стилей студенческой молодежи в условиях глобализации / Сборник научных трудов Академ.упр.при През.РБ. – Минск, 2016. – С.110-117.
4. Лапина, С.В. Социологическая энциклопедия / А.Н.Данилов, С.В.Лапина, Д.Г.Ротман и др. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2003.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Е.В. Марковичева

главный научный сотрудник

*Научного центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент*

Пандемия COVID-19 выявила ряд серьезных проблем, связанных с обеспечением транспарентности правосудия в условиях вынужденного социального дистанцирования. Введенные большинством государств те или иные ограничения на социальные контакты привели к ситуации, когда затруднительным стал как сам процесс уголовного судопроизводства, так и реализация отдельных прав участников процесса. Суды вынуждены искать баланс между необходимостью обеспечения права на справедливое судебное разбирательства и права на охрану жизни и здоровья каждого. Являясь важнейшим государственным институтом, суд не может не действовать в публичных интересах, которые в пандемический период лежат в плоскости физической безопасности и снижения эпидемической нагрузки. Однако одновременно суды должны выполнять те функции, которые возложены на них изначально, то есть, связанные с отправлением правосудия и осуществлением судебного контроля. Неслучайно перед судами была поставлена задача не только рассмотрения уголовного дела, но и обеспечения безопасного с эпидемиологической точки зрения правосудия. На это обстоятельство обратила